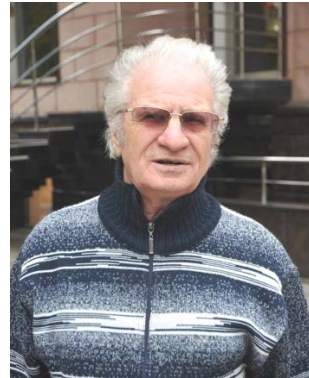

К ЮБИЛЕЮ НИКОЛАЯ АЛЕКСЕЕВИЧА НЕКРАСОВА

Валерий Ганский
(г. Саратов)

«МОЯ ДУША В САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ...»

Ганский Валерий Михайлович. Окончил Саратовский политехнический институт, профессия — инженер-строитель. Корреспондент газеты «Саратовские вести», член Союза журналистов России. Печатается в литературных журналах «Волга XXI век», «Сура», «Новый ренессанс» (Германия), альманахах. Автор книг поэзии и прозы: «И мой Пушкин», «Мой саратовский причал», серии книг «Дорогие мои саратовцы», «Витте против Столыпина». Дипломант и лауреат литературных конкурсов и премий: «Золотое перо Руси», «Русский стил», премия Артема Боровика, «Моя малая Родина».

В школьные годы я заучивал некрасовские строки из поэмы «Кому на Руси жить хорошо»:

*В каком году — рассчитывай,
В какой земле — угадывай,
На столбовой дороженьке
Сошлись семь мужиков:
Семь временнообязанных,
Подтянутой губернии,
Уезда Терпигорева,
Пустопорожней волости,*

*Из смежных деревень:
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобищина.
Горелова, Неелова —
Неурожайка тож,
Сошлись — и заспорили:
Кому живется весело,
Вольготно на Руси?*

Позже, став взрослым, слушал пародии этих стихов на советское время типа: «А Брежневу — по-прежнему» и тому подобные. Да и ныне слагаются частушки на стихи российского классика Николая Алексеевича Некрасова:

*Хочешь плач, а хочешь пой,
Вывод сделал я такой:
Хорошо жить на Руси —
Шукам, мы-же... караси!*

Хотя названия деревень некрасовской поэмы созвучны саратовским, не думал я, что классик упомянет в своих стихах мой Саратовский край.

И вот случайно, благодаря Интернету, я наткнулся на такие поэтические некрасовские строки 1840 года:

*Гляжу с тоской на розы я и тернии
И думой мчусь на край миров:
Моя душа в Саратовской губернии,
У светлых волжских берегов.*

Я обрадовался, и, недоумевая, изумился, как душа автора оказалась в моем родном городе или около него, хотя поэт никогда не был в Саратове. И стал искать...

Эти строки из стихотворения с многочисленным восклицательным названием «К НЕЙ!!!!», напечатанном в десятом номере «Пантеона» 1840 года (ценз. разр.— 30 окт. 1840 г.) с примечанием: «Помещаем это оригинальное стихотворение для того только, чтобы утешить друга нашего Н. А. Перепельского: Грибовников — без вести пропавший пиита — отыскался» — и подписью: «Иван Грибовников». Это примечание нельзя понять, не прочитав рассказ Некрасова, помещенный в предыдущем номере журнала. Рассказ назывался «Без вести пропавший пиита». Н. А. Перепельский — псевдоним Некрасова. Иван Грибовников — персонаж рассказа Некрасова «Без вести пропавший пиита», бездарный молодой поэт. Сообщение, что Грибовников «отыскался», объясняется в связи с содержанием этого рассказа: потеряв надежду разбогатеть при помощи литературных занятий, Грибовников бежал неизвестно куда; Некрасов с иронией писал от имени Перепельского, порицающего себя за то, что слишком сурово обошелся с Грибовниковым: «Желая загладить свою ошибку, я всеми мерами решился отыскать Ивана Ивановича, благословить его на литературное поприще, и вот уже четырнадцать лет не проходит дня, в который бы я не искал его, не вспоминал о нем и не укорял себя за необдуманый поступок». Автор смеется над нелепыми виршами Грибовникова, смеется и над самим нелепым честолюбцем. Но за этим смехом, достаточно безжалостным, слышна исповедь Некрасова в собственных литературных грехах, смеялся над бездарным графоманом, он смеялся и над самим собой.

А стихотворение «К ней!!!» — пародия на любовную лирику эпигонов романтизма. Заглавие это Некрасов оценивал как «самое пошлое название, так истасканное нашими поэтами»; в своих статьях он неоднократно насмеялся над стихотворениями, обращенными «к ней». В выражении «мечт моих ходулями» этого стиха некрасоведы усмотрели автопародийный намек на название сборника «Мечты и звуки».

В основу рассказа «Без вести пропавший пиита» легли «петербургские мытарства» молодого Некрасова. В рассказе нашли отражение переживания поэта в связи с неудачей, постигшей его при издании первого поэтического сборника «Мечты и звуки».

Некрасовский рассказ опубликован в предыдущем девятом номере «Пантеона» (ценз. разр.— 8 окт. 1840 г.) с подзаголовком: «Рассказ Н. Перепельского». «Если

отрывки, приведенные здесь из различных сочинений Ивана Ивановича, будут признаны не лишенными достоинства ~ их у меня достанет на девять томов!» К этим словам в публикации «Пантеона» было дано примечание: «Мы благодарим автора за доставление нам этого интересного рассказа и с удовольствием и впредь поместим в «Пантеоне» опыты Ивана Ивановича, если они все будут так удачны, как этот. Ред.».

Вот такая предистория стихотворения «К Ней!!!». Но при чем здесь была Саратовская губерния, осталось загадкой. Загадка мироощущения Николая Некрасова: «край миров». Возможно, он думал о саратовской грибоедовской глуши, а не душе («В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов»).

И не думал тогда девятнадцатилетний Некрасов, что поэтические строчки пародийного стихотворения «К Ней!» окажутся пророческими.

*Не бойся горького забвенья:
Уж я держу в руке моей
Венец любви, венец прощенья,
Дар кроткой родины твоей...
Уступит свету мрак упрямый,
Услышишь песенку свою
Над Волгой, над Окой, над Камой,
Баю-баю-баю-баю! — Признавался поэт перед смертью,
в 1877 году.*

Двести дней и ночей у постели больного Некрасова находилась его жена Зинаида Николаевна (она садилась на пол и уставлялась на зажженную свечу, чтобы не за-снуть), которой поэт писал: «Зина! закрой утомленные очи! Зина! усни!». А оказалось, что он сам уснул вечным сном, и его «милый друг» Зиночка (Фекла Викторова) закрыла ему глаза.

«Милый и единственный друг Зина» оказалась в Саратове, прожила в городе 17 лет и похоронена на Воскресенском кладбище. Так что можно с полным правом сказать, что душа поэта Николая Алексеевича Некрасова в «Саратовской губернии, у светлых волжских берегов».

*От Воскресенского монастыря
до Воскресенского кладбища
Я посетил твое кладбище,
Подруга трудных, трудных дней!*

Н. Некрасов

В 1915 году священник Воскресенской кладбищенской церкви Сергей Троицкий отпевал Зинаиду Николаевну Некрасову, вдову поэта Николая Алексеевича Некрасова. Точнее священник провозглашал об упокоении новопреставленной шестидесяти восьмилетней Феклы. Так от рождения звалась жена и друг великого поэта. Фекла Анисимовна Викторова.

Газета «Саратовский листок» рассказывала о похоронах Некрасовой так: «После отпевания гроб на руках отнесли к могиле. На могиле стихи свои прочитал Добржинский, небольшие речи сказали студенты Полтавский и Свечин. Возложены четыре венка, от семьи Озолиных, от «Саратовского листка», от «Саратовского вестника» и от саратовской почты».

Когда-то Борис Пастернак писал:

*Но кто мы и откуда,
Когда от всех тех лет
Остались пересуды,
А нас на свете нет?*

Так кто такая и откуда взялась эта Фекла Викторова, она же Зинаида Некрасова? Впервые в жизни поэта она появилась в 1870 году. В доме на Литейном, в некрасовско-панаевской квартире, где почти 20 лет жила писательница Авдотья Яковлевна Панаева, так и не ставшая Панаевой-Некрасовой. Не сложилась семья у Некрасова и актрисы французской труппы Михайловского театра Селиной Лефрен. Зато ей остались в наследство от Некрасова 10500 рублей. Близкий тогда поэту В. М. Лазаревский отметил в своем дневнике, что Некрасов увел Феклу от какого-то купца Лыткина. Возможно, Фекла напоминала Некрасову жену Н. Г. Чернышевского Ольгу Соколовну, такую же жизнерадостную, прямодушную, хорошо разбирающуюся в людях. Девятнадцатилетняя девушка оказалась милой, доброй, веселой и умной, несмотря на то, что она была простого звания, дочь солдата, сирота, родом из Вышнего Волочка. Вместо чересчур простонародного имени Некрасов называл ее и представлял друзьям Зинаидой Николаевной, дав ей отчество от своего имени. Племянник поэта так рисовал портрет Зинаиды Николаевны: «Я помню голубоглазую блондинку с очаровательным цветом лица, с красиво очерченным ртом и жемчужными зубами. Она была стройно сложена, ловка, находчива, хорошо стреляла и ездила верхом. Так что иногда Николай Алексеевич брал ее на охоту». Вот как вспоминала сама Зинаида Николаевна одну из охотничьих утех: «На охоту чаще всего в Чудовскую Луку ездили. Сели на лошадей. А чудовские крестьяне со сворой собак и с ружьями за нами следом. Только свою любимую легавую Кадо Николай Алексеевич при себе оставил. Подъехали мы к первому озеру. Я с коня спрыгнула, взяла ружье, патроны и к прибрежному лозняку поспешила. Чуть ветки качнулись, я вскинула ружье и нажала курок. И тут вижу, что выстрел угодил не в утку, а в Кадо, пробежавшую сквозь кусты». Вскоре недалеко от некрасовской охотничьей дачи в Чудове появился памятник — гранитная плита с надписью: «Кадо, черный понтер, был превосходен на охоте, незаменимый друг дома. Убит случайно на охоте. 2 мая 1875 года».

Пять лет совместной жизни Некрасова и Викторовой были беззаботны и веселы. Театры, концерты, выставки, магазины, песни, музыка, шутки. Некрасов не только изменил имя своей гражданской жены, но и поменял образ ее жизни. Он занимался с ней российской грамматикой, и со временем она стала помощницей в чтении корректур; приглашал преподавателей французского языка, а перед приездом в Карабаху Некрасов просил брата взять напрокат рояль для Зины: она и музыкальна, и с голосом. Медовый месяц длился до самой болезни Николая Алексеевича. Зинаида Николаевна, по наблюдению некрасовского кучера, смотрела на Николая Алексеевича не просто как на мужа, а как на существо неземное... «Он ее своей лаской пригрел». Зина с поэтом везде и постоянно. Он нашел любовь. Некрасов с его умом и проницанием не мог ошибиться. И это подтвердила жизнь.

Страдания начались весной 1876 года, когда консилиум во главе со Склифосовским вынес окончательный диагноз: рак прямой кишки. «Боже, как он страдал! — вспоминала через много лет Зинаида Николаевна. — Какие несравнимые ни с чем муки испытывал!» А как страдала Зина, Зиночка, можно судить по строкам поэта: «Глаза жены сурово нежны», Ты еще на жизнь имеешь право», «Зина, закрой утомленные очи!», «Помоги же мне трудиться, Зина!», «Труд всегда меня животворил». Предчувствуя свою кончину, Некрасов решил узаконить свои отношения с Зинаидой церковным обрядом. У больного Некрасова не было сил ехать в церковь, и тогда у его друзей появилась мысль исполнить венчание на дому. Достали церковно-палатку, поместили ее в зале, здесь же, поддерживая его за руки, обвели три раза

вокруг аналая уже полумертвого от страданий. «Он был босой и в одной рубашке»,— писал позже библиограф П. А. Ефремов. Перед смертью поэта Зинаида Николаевна приготовила примирение с Тургеневым — их встречу. «Ни слова не было сказано во время этого свидания,— вспоминала она.— А сколько перечувствовали оба». И. С. Тургенев писал: «Эта женщина соединила наши руки. Она навсегда примирила нас. Да, смерть нас примирила». Едва гроб был засыпан землей, Зинаида Николаевна обратилась к настоятельнице монастыря с просьбой продать ей место рядом с могилой мужа для своей будущей могилы. Вот этот документ: «Квитанция № 163. Данная сия от Санкт-Петербургского Воскресенского Первоклассного Девичьего монастыря в том, что полученные деньги от вдовы дворянина Феклы Анисимовны Некрасовой за одно место подле могилы мужа ее 400 рублей, записаны в книгу монастырской. Настоятельница монастыря игуменья Евсталия. 30 декабря 1877 года».

Но не суждено было Некрасовой лежать рядом с мужем. Получив в наследство имущество в петербургской квартире, она все раздарила, а имение Чудовская Лука подарила брату покойного мужа Константину. «Болезнь Николая Алексеевича открыла мне, какие страдания на свете бывают. А смерть его, что он за человек был, показала». После похорон Зинаида Николаевна впервые, без мужа, решила поехать в Карабаху, но брат Некрасова Федор Алексеевич встретил ее грубо, не пустил даже во флигель, принадлежавший мужу, так же к ней отнеслись все родственники мужа. Униженная, в отчаянии она поехала вначале в Ярославль, а затем в Москву с намерением постричься в монахини. В душевном смятении она едет то в Петербург, то в Крым, то в Одессу, то в Киев, то вновь в Петербург. Друзья Некрасова, привечавшие Зинаиду Николаевну при жизни поэта, совсем забыли ее после его смерти.

Успокоение Некрасова нашла, поселившись в 1898 году в Саратове. Благодаря саратовскому журналисту Н. М. Архангельскому и редакции «Саратовского вестника», она стала получать пенсию от Литературного фонда. Зинаида Николаевна часто бывала в гостях у Архангельских. И, как вспоминала дочь Николая Михайловича Антонина, подарила отцу часы Некрасова, карманные с охотничьим свистком, купленные поэтом в Париже. Зинаида Николаевна часто рассказывала о встречах с Салтыковым-Щедриным, Михайловским, Львом Толстым, Плещеевым. В 1911 году Некрасову посетил Корней Иванович Чуковский, тогда она жила на Малой Царицынской, дом 60, ныне улица Слонова.

В 1914 году в гостях у Некрасовой побывал исследователь творчества поэта В. Е. Евгеньев-Максимов. «28 июля 1914 года я тщетно звонил у подъезда небольшого, но опрятного домика на Провиантской улице, дом № 8, где, как указали мне в редакции «Саратовского вестника», жила вдова Некрасова. Потеряв терпение, я собрался было уходить, как вдруг крайнее оконце приоткрылось и из него выглянуло благообразное старушечье лицо, хранившее следы былой красоты. Это и была Зинаида Николаевна Некрасова». Некрасова много рассказывала о своем муже, о его добрых отношениях с крестьянами-земляками. Сетовала на людскую жестокость. «Много мне от них вытерпеть пришлось». Показала она Евгеньеву-Максимову томик сочинений Некрасова с дарственной надписью: «Милому и единственному другу моему Зине. 12 февраля 1874 год». (Вот и я через много лет немного постоял у этого двухэтажного кирпичного дома на Провиантской).

Около двадцати лет прожила в Саратове вдова поэта. В 1913—1914 годах по ее инициативе в Саратове продавались популярные в народе произведения Н. А. Некрасова. Обучала она грамоте и бедных саратовских детей. Зимой 1914 года здоровье Зинаиды Николаевны резко ухудшилось. Давний ревматизм дал осложнение на сердце. Долгая изнурительная болезнь напомнила последние мучительные дни жизни мужа. Стараясь отвлечься от боли, она читала на память стихи Некрасова:

*Да не плачь украдкой! — Верь надежде,
Смейся, пой, как пела ты весной.
Повторяй друзьям моим, как прежде,
Каждый стих, записанный тобой.*

Утром 27 января 1915 года читатели «Саратовского вестника» увидели некролог: «Зинаида Николаевна Некрасова, вдова поэта Н. А. Некрасова, скончалась в воскресенье 25 января в 4 часа 30 минут утра. Вынос тела из квартиры (Малая Царицынская, дом № 70, квартира Озолиной) сегодня 27 января в 9 часов утра на Воскресенское кладбище». Отходив всю жизнь в черном, она завещала похоронить себя в белом.

На саратовском Воскресенском кладбище небольшой обелиск из камня с фотографией. Пробираюсь сквозь колючий кустарник и жалящую крапиву ближе к памятнику на могиле 31-го участка. В буйных зарослях деревьев раздаётся птичье пение.

И вот я стою у ее могилы солнечным летним утром. Читаю надгробную надпись: «Некрасова Зинаида Николаевна, жена и друг великого поэта Н. А. Некрасова».

Александр Петренко
(г. Краснодар)

МИЛЛИОНЫ ЛИТЕРАТОРА

Литературный псевдоним — Александр Ралот. Публиковался во многих российских, белорусских и ближнего и дальнего зарубежья периодических изданиях, а также в «Приокских зорях». Член Союза писателей России. Победитель многих российских, зарубежных и международных конкурсов. Лауреат литературной премии имени Олега Бишарева. Награжден медалями: Золотой Есенинской, им. И. Бунина, им. М. Ю. Лермонтова, Андрея Белого, А. Т. Твардовского, «За труды в просвещении, культуре, искусстве и литературе», имени генерала Брусилова.

Обычный выходной день в нашей семье. Нет, дорогой читатель, на сей раз ты не угадал. Увы. Я не на диване (такое бывает не часто). Глава семейства, то бишь, я — за компьютером, а супруга где-то там вдалеке, на кухне, гремит своими кастрюльками, тарелками и прочей утварью. Удивительно, но именно эта кухонная какофония вызывает у меня умиротворение, чувство какого-то домашнего уюта, спокойствия и, конечно, сытости.

Пока я писал эти строки, на кухне неожиданно воцарилась тишина. Покидаю свой кабинет и нехотя топаю в другую часть дома, выяснять причину отсутствия звука. И что я вижу: моя ненаглядная тихонько возлежит на диване и читает! Знаете кого? Некрасова! Да-да! В ее руках потрепанный, с пожелтевшими страницами, томик Николая Алексеевича.

— Дорогая, как это понимать? С чего это вдруг тебя потянуло на классику? Неужели школьной программы не хватило? Или ты именно сейчас решила выяснить, кому на Руси жить хорошо? Уверяю, только не нам с тобой.

Супруга с явной неохотой откладывает в сторону книгу и, не вставая с дивана, вопрошает:

— Вот ты у меня писатель, ну и еще историк. Ответь бедной женщине, а самому Некрасову хорошо жилось на Руси-матушке?

Слова благоверной заставили меня призадуматься. А действительно, каковы были доходы поэта? Всем известно, что господин Некрасов жил на широкую ногу и вроде бы не бедствовал. Чтобы уйти от сиюминутного ответа, я предложил:

— Золотко мое, быстренько собирайся, пойдем в парк, к памятнику этому самому Некрасову, а по дороге как раз и обсудим гонорары блистательного поэта, литератора и издателя журнала «Современник».

* * *

Сборы моей половины к выходу за пределы нашего жилища занимают никак не меньше получаса, поэтому у меня появилось время порыться в «авгиевых конюшнях» своих записей и подготовить ответ на каверзный женский вопрос.

На улице жена нежно взяла меня за руку и заглянула в глаза.

— Ну, я жду? Ты обещал!

— Тебе, дорогая, о доходах литератора, а потом об отношениях с прекрасной половиной человечества или наоборот?

— Вот как я задала тебе вопрос, так и отвечай. Что в те, стародавние времена, что сейчас — сначала денежки, а потом женщины. Бывает, конечно, и иначе, но редко.

— Николаю Алексеевичу, в целом, неплохо жилось. Шикарная квартира, процветающий бизнес, членство в престижном Английском клубе, роскошные выезды на охоту на трех тройках, картишки, серьезные выигрыши по несколько тысяч зараз. Согласись, что собирать информацию для своих будущих произведений о нищих крестьянах гораздо приятней, когда перемещаешься через села и деревни в хорошей карете, запряженной породистыми лошадьми, а сзади следует телега, полная изысканного провианта. Иногда, на пару-тройку минут, остановиться у избышки. Перекинуться несколькими фразами с местными. И поэту не лишняя информация, да и лошади отдыхают. Маленько посочувствовать крестьянам и, конечно, помочь материально, а как же без этого. Поэт в таких поездках был щедр, платил за стакан парного молока аж целый рубль. Однако просил, чтобы продавец подробно рассказывал при этом о своем житье. Сочувственно слушал, вздыхал, охал, после чего кутался в дорогую шубу, да и велел трогать. Домой, в столичный град. В теплый дом. К привычной роскоши и уюту. К друзьям из Английского клуба.

— Вот вечно ты так. Никак не хочешь ответить на мой простой и ясный вопрос. На что он так шикарно жил. На гонорары от своего литературного труда? Сколько же он зарабатывал на стихах?

— Николай Алексеевич очень прилично играл в карты. Можно сказать, профессионально. Был игроком азартным и удачливым. Случалось, за ночь выигрывал такие суммы, которые сельские мужики не видывали в своей жизни никогда. Но и тратились шальные деньги легко. Конечно же, на особ женского пола, на охоту и пирушки.

— А я где-то читала, что в юности поэт был беден, ночевал прямо на улице и постоянно недоедал.

— Да, было в судьбе Некрасова и такое время. Однако хочу тебе сказать, все эти лишения и невзгоды возникли лишь потому, что юное дарование разругался со своим батюшкой и наотрез отказался делать военную карьеру. Ему хотелось не в офицеры, а в университет.

* * *

— Дорогу в столичный град будущему светилу русской поэзии оплатил отец. А сыночек банально обманул родителя. На семейном совете заявил, что собирается поступать в кадетский корпус. Однако, прибыв в город, подал документы на филологический факультет университета. Мало того, на выделенные ему средства издал книгу «Мечты и звуки». Как и следовало ожидать, опусы неизвестного литератора не продавались вообще. И в университет Некрасова не приняли. Сама понимаешь: дорога домой после таких выкрутасов была закрыта. Он остался в Петербурге. Юношу согревала мечта, он верил: рано или поздно все же сможет взобраться на вершину поэтического олимпа. Чтoб хоть как-то прокормиться, строчил заметки во все газеты. Пытался писать сценарии водевилей для маленьких театриков. Когда деньги совсем кончались, шел на площадь перед Сенным рынком, за гроши или просто за кусок хлеба создавал прошения для неграмотных крестьян. Ночевал в ночлежке для бездомных. Когда появлялись кое-какие деньги, позволял себе снять угол на чердаке. Заметь, так жил потомственный дворянин, детство которого прошло в поместье, в окружении крепостных и слуг.

В один мало прекрасный день голодный Некрасов вспомнил о родовом запрете. Дело в том, что страсть к карточной игре передавалась в их семье по наследству. И прадед, и дед будущего поэта были заядлыми картежниками. Один предок проиграл семь тысяч душ, другой две. Отцу будущего поэта проигрывать было уже нечего. Но премудростям карточной игры и охоты он своих сыновей обучил превосходно. А больше ничего делать в этой жизни Алексей Сергеевич Некрасов не умел.

— Но, дорогой мой. Ты же прекрасно знаешь, для того, чтобы сесть за карточный стол, пусть даже в самом захудалом трактире, надо поставить на кон деньги. А что мог поставить бедный юноша, у которого не было средств даже на прокорм?

— Ответить однозначно на твой вопрос я не могу. Может быть, он положил на игровой стол свое выдавшее виды пальто или шапку. Главное не в этом. По всей вероятности в тот раз он выиграл, потом еще и еще. Знания, переданные родным бабьюшкой, упали на благодатную почву. Играл молодой Николай великолепно.

В начале сороковых годов позапрошлого века он познакомился с самим Белинским. Стал писать стихи на социальные темы. Его заметили в литературных кругах. Начали поступать первые скромные гонорары.

— Ты хочешь сказать, что с этого момента он стал жить за счет своего литературного дара? То есть, как и мечтал, стал узнаваемым литератором?

— Не совсем так. Бесспорно, его произведения о страданиях сельских крепостных и бедняков, обитающих в городах, находили отклик в сердцах читателей. Некрасова стали издавать. Доходы год от года возрастали. Однако должен заметить тебе, ко времени знакомства Николая Алексеевича с Белинским он уже был вполне преуспевающим членом столичного общества. И, понятное дело, давно распрощался с койкой на чердаке. Господин Некрасов снимал вполне приличное жилье, одевался по последней моде и даже позволял себе нанять прислугу. А в свободное время, устав от карточных дел, сочинял стихи и поэмы на злобу дня.

* * *

— Преферанс, винт, безик,— впрочем, не важно. Поэт был асом в любой карточной игре. Как я тебе уже говорил, и прадед и дед Некрасова проигрывали родовое богатство — их потомок весьма успешно отыгрывался.

— Неужели выиграл миллион? — Жена остановилась и внимательно посмотрела на меня.

— Думаю, миллион — это, конечно, преувеличение, но несколько сотен тысяч точно. Дело в том, что став членом элитного Английского клуба, он заполучил себе в партнеры по карточным играм крупных помещиков, высокопоставленных государственных сановников и банкиров. Николай Алексеевич хвастался своим друзьям, что смог выиграть у будущего министра финансов Абаза почти миллион франков.

— А сколько это по курсу в тамошних российских рублях?

— Точно не скажу, но примерно полмиллиона рублей.

— Он, наверное, знал слово какое-то заветное или приметку. Раз ему так в карты везло.

— Конечно, как у всякого заядлого игрока у поэта были свои приметки. Одна из них — никогда и никому не давать в долг накануне большой игры. В другие дни — пожалуйста. Приходи — проси. Одолжу маленько. Но только не за день до ставок. Это было его принципиальное кредо.

Случилось, что молодой, начинающий журналист из «Современника» Игнатий Пиотровский попросил рублей триста в счет будущего оклада. За день до начала крупной игры: понимаете ли, Николай Алексеевич, долги, кредиторы совсем заели, тюрьмой грозят. Слыхал я, что и вы в молодости в моем положении бывали. Помогите

те. Прошу... А Некрасову, как назло, вечером в Английский клуб. Ну разве можно в такой вечер одалживаться.— Юноша, ну ей-богу. Никак не возможно. Совсем никак.

Журналист от безысходности застрелился.

— Вот это да! Никогда не слышала этой печальной истории. Однако, согласись, рядом с таким человеком обязательно должна быть эффектная женщина. Личная жизнь у поэта была? Будь добр, расскажи, пожалуйста. Сам же прекрасно знаешь. В нашем учебнике по литературе ни о картах, ни о женщинах не говорится ни слова.

— Однажды Белинский привел своего друга Некрасова в гости к литератору Панаеву. Замечу, что его жена Авдотья была в то время более чем привлекательна и купалась в бесконечных комплиментах своих многочисленных поклонников. Более того, было время, когда сам Федор Михайлович Достоевский прилагал немалые усилия, добиваясь ее расположения.

— Да! Вот с этого момента прошу, пожалуйста, поподробней.

— Увы. Я тебя разочарую. Нет никаких подробностей. Женщина решительно отказала великому классику. А вот с Некрасовым все срослось. Дело в том, что меценат и повеса Панаев снял новую просторную квартиру на Фонтанке. После чего взял, да и предложил другу семьи Некрасову оставить, наконец, свое жалкое жилище и переехать жить к нему на Фонтанку. Поэту отвели пару комнат в доме Ивана Ивановича. С арендной платой в ноль рублей! Мало того, хозяева от щедрот своих подарили гению шелковое кашне, фрак и еще много чего, необходимого для выхода в свет. Квартирант обставил жилье по своему вкусу. Вместо книг повесил на стены винтовки и чучела зверей.

Чета Панаевых и Некрасов регулярно выезжали на природу. Так сказать, в творческие командировки. Вот во время одного из таких вояжей в Казанскую губернию Авдотья и Николай открылись друг другу. Ну не покидать же после этого уютное жилище. Так и жили втроем. Вроде бы как шведская семья получилась. Целых 15 лет, до самой смерти законного супруга.

— И почему же муж терпел все это безобразие. У него что — глаз не было? Не вызвал наглеца на дуэль или хотя бы не выставил взашей?

— Понимаешь, дорогая, Иван Панаев уже через год после свадьбы полностью охладел к своей жене. Увы, такое нередко случается. Вечера проводил в кругу друзей и в обществе девиц легкого поведения. Вот и осталась Авдотья ни жена и не вдова.

— Скажи, а дети у нее были? Женщина ведь не только ради мужа живет. Ради детей.

— В середине сороковых годов чета Панаевых и поэт решили вместе провести лето. Понятное дело, поселились в одном жилище. Некрасов и Авдотья ждали ребенка и коротали время за написанием совместного романа «Три стороны света». Увы, мальчик родился очень слабым, прожил совсем недолго и умер. Любовники расстались. Тем не менее, поэт помнил свою музу до конца своих дней и даже упомянул ее в завещании.

— И все? Выходит наш Некрасов однолюб? Или все же были и другие романы?

— Имея весьма неплохой доход от издаваемого журнала и весьма приличные гонорары за публикацию собственных сочинений, поэт не покидал карточного стола. Регулярные выигрыши позволяли ему не волноваться о финансовом состоянии «Современника». Щедро помогал своим родственникам. Спонсировал малоимущих писателей. Оплачивал счета братьев Добролюбовых и покрывал расходы семьи Чернышевского. На свои средства открыл в Карабихе школу для крестьянских детей. В редакции его журнала было установлено большое зеркало с ящичками. В них поэт клал большую часть выигрыша. Оттуда брали деньги все, кто имел доступ в редакцию. Записка на зеркале гласила. «Для остро нуждающихся»...

* * *

— Мы уже почти пришли, а ты так и не ответил мне на вопрос. Кроме Авдотьи поэт еще кого-нибудь любил?

— В середине шестидесятых годов Некрасов отбыл за границу. Жил во Франции. Со своей сестрой Анной и француженкой Селиной Лефрен, актрисой одной французской труппы. Ездили к морю в местечко Диеппе. Поэт был в прекрасном настроении, здоровье его улучшилось. Сдается мне, что Селина в этот период жизни поэта нашла свое место в его сердце. Конечно, это только мое предположение, но в своем завещании Некрасов выделил ей десять с половиной тысяч рублей. Это известный факт.

Вернувшись на Родину, поэт познакомился с деревенской девушкой Феклой Викторовой. Ей шел двадцать третий год, ему уже стукнуло сорок восемь. Литератор вывел ее в свет. Театры, концерты, выставки. Он даже изменил имя своей дамы. Велел всем называть девушку Зиной.

Зинаида боготворила поэта и учила наизусть его стихи. Могла сама, без помощи посторонних, оседлать коня. Сопровождала своего мужчину на охоте. Но случилось непоправимое. На Чудовском болоте она по неосторожности застрелила любимого пса Некрасова по кличке Кадо. После чего поэт повесил ружье на стену и более никогда на охоту уже не выезжал. В последние, самые тяжелые дни девушка была рядом со своим возлюбленным. Ухаживала, успокаивала, делала все необходимое. Как могла, скрашивала его пребывание на этом свете. За несколько месяцев до смертного часа Некрасов настоял на венчании и официальном бракосочетании. Безрадостная процедура состоялась в походной войсковой церкви-палатке. Ее установили прямо в зале некрасовской квартиры. Жениха вели к алтарю под руки. Поэт уже не мог передвигаться самостоятельно...

* * *

Мы пришли в парк. Стояли у памятника поэту.

— А ведь правду люди говорят: везет в картах, не везет в любви. Выигрывал большие суммы, был щедр, знаменит. Везло во всем. А детишек после себя не оставил. Женщины, конечно, были, но согласись, это не совсем правильная любовь. Хотя, может быть, я и не права. Не мне судить гения. Его уже давно рассудило время.

Мимо прошла девушка с лотком, в котором лежали букетики весенних цветов. — Продайте нам два, пожалуйста, — попросила жена и возложила их к подножью памятника. — Это от тебя и от меня. И от всех благодарных потомков.

Валерий Акимов

(г. Нижневартовск Тюменской области)

К 200-ЛЕТИЮ Н. А. НЕКРАСОВА (Мой поэтический венок русскому классику)

Акимов Валерий Юрьевич родился в 1949 г. в г. Новомосковске Тульской области. Службу по призыву с 1969 года по 1972 год проходил в погранвойсках на финской границе. После окончания МХТИ им. Д. И. Менделеева в 1978 году приехал в Нижневартовск и работал там в газо- и нефтепереработке. «Почетный нефтяник». Член Союза писателей России, член Союза журналистов России. Автор двадцати одной книги.

В те летние каникулы я, как всегда, отдыхал в деревне у папиных родителей. Так вот, там в доме у бабули был заветный сундук, содержимое которого она каждое лето просушивала на солнце. Крышка того сундука изнутри была обклеена цветными страшными видами ада, поэтому мы, малышня, к нему к открытому даже подходить боялись. Но когда мне уже перевалило за десять лет, а хозяйка умерла, мы с двоюродной сестрой решили проверить содержимое этого хранилища. Из всех женских мелочей мне досталось дореволюционное издание стихов Н. А. Некрасова, еще с «ятами». В книге подробно описывалась история создания каждого стихотворения, но это привлекло меня потом, а тогда заинтересовала дата выпуска: 1899 год — год рождения бабушки и за пятидесятилетие до моего рождения. Так у меня появилась книга стихов великого русского поэта. Года через два, когда я сам начал рифмовать свои первые строчки, вспомнилось о заветной книге, и с тех пор она постоянно находилась под рукой на моем столе, за свою бытность несколько раз перечитанная от корки до корки. И неспроста Николай Алексеевич Некрасов до сих пор является моим любимым поэтом. Книга стала большим подспорьем, когда в школе стали проходить творчество Н. А. Некрасова. А посетив Ленинград, я первым делом поспешил на Литейный проспект в знаменитый дом, в котором проживал и мой литературный кумир. Конечно, я не мог не посвятить своему любимому поэту стихотворение:

*Не голос елейный,
Звало и не лето
Сюда на Литейный
В квартиру поэта.*

*Он — первый из равных,
Боец и задира,
Защитник бесправных,
«Мужицкая лира».*

*Народная песня
В могучем потоке:*

*Во всех русских весях
Поэтов строки.*

*Не то, что со слогом,
Который красивей,
А простаки Богом
Ниспослан России.*

А когда я получил рекомендацию на вступление в Союз писателей России от известного тульского поэта, а для меня — великого, Виктора Федоровича Пахомова, что меня безгранично обрадовало, но особенно запали в душу слова мэтра: «Акимовские стихи порадовали меня своей исповедальностью, зрелостью мысли, профессионализмом. А что еще, для меня важнее всего, следованием традициям отечественной поэзии, ее Пушкинско-Некрасовскому духу». Значит, не зря судьба распорядилась так, что именно мне досталось заветное издание, которое повлияло не только на мое литературное творчество, но и на всю последующую жизнь.

